

собами латинский народ (Latinorum nationem). Со временем ты сам убедишься, что мое мнение о нем справедливо. Я же знаю злобу греков и их упорную и непреодолимую ненависть к латинскому имени. А потому, если ты согласен со мной, отступи к Адрианополю и Филиппополю или отведи свое войско, которое вручил тебе Господь, в те богатые страны, чтобы дать ему отдохнуть в изобилии припасов, которое вы там найдете. А я, с Божьей помощью, в начале весны поспешу к тебе, своему государю, и с братской любовью дам совет и окажу содействие против безбожного владетеля греков». Прочтя это письмо и обдумав его содержание, Готфрид, по общему приговору князей, отвечал через посла и также письменно: «Я знаю, возлюбленный брат, и давно уже слышал, что коварные греки преследуют наш народ с непримиримой ненавистью, и если бы я не был достаточно в этом убежден до сих пор, то собственный опыт доказал мне то вполне; я не сомневаюсь в справедливости твоего пегодования против них; ты имеешь верный взгляд на их льстивость; но по страху Господню и велению своего намерения бороться с неверными я не могу обратить оружия на христианский народ. Прибывая же твоего и других богоспасаемых князей наш возлюбленный Богом народ ожидает с терпением».

XI. В это время император со своими приближенными и друзьями находился в величайшем страхе, отчасти потому, что он видел разорение своей страны и слышал жалобы на то и стоны своих людей, отчасти же потому, что до него дошло известие о посольстве государя Бозмунда и о его скором прибытии. Вследствие того он начал снова стараться о свидании с государем герцогом, ибо опасался, что если он не сойдется с ним, а ожидаемые князья придут прежде, чем он склонит герцога на свою сторону, то все они соединятся на его погибель. Потому император старался всеми силами расположить герцога в свою пользу, просил его прийти к нему и, чтобы уничтожить в нем всякое сомнение, предложил ему в заложники своего сына Иоанна Порфиородного. Это предложение было одобрено

князьями, и Куно Монтэгу (de Monte acuto) вместе с Балдуином Бургским отправились за сыном императора; поручив своему брату охрану заложника и передав ему войско, Готфрид отправился вместе с прочими князьями в город и обрадовал императора своим давно уже ожидаемым прибытием. Его приняли с большими почестями в собрании знатнейших людей, которые желали видеть того мужа, о котором они так много слышали и отчасти знали по собственному опыту. Также и князья, прибывшие с ним, были приветствуемы императором, соответственно достоинству каждого, и вместе допущены к поцелую мира (ad pacis osculum); император заботливо осведомился о их здоровье и, называя каждого по имени, чтобы тем расположить в свою пользу, был со всеми приветлив и разговорчив. Наконец, приблизившись к герцогу, он говорил ему так: «Наша империя, любезный герцог, знает, что ты могущественнейший в среде своих князей, и ей неизвестно твое благочестивое предприятие, которое ты взял на себя, воодушевленный достохвальной ревностью о вере; но что еще важнее – о тебе носится далекая слава, что ты муж твердый характером и чистый верой. Потому ты за свои благородные нравы снискал благосклонность многих, которые тебя никогда не видели в глаза. И мы со своей стороны намерены оказать тебе всю нашу любовь и уважение, и с этой целью определили в присутствии всех вельмож нашего священного двора усыновить тебя и передать тебе нашу империю; да сохранится она тобой неприкосновенно и невредимо вместе с предстоящим и грядущим потомством». Сказав это, он облачил его с известными обрядами, свойственными той стране, в императорские одежды, и усыновил себе; таким образом, с обеих сторон были восстановлены вполне мир и согласие.

XII. После того император открыл свои сокровища государю герцогу и его спутникам и одарил их щедро золотом, драгоценными камнями, шелком и дорогими сосудами, которые своей работой и материалом превосходили всякую цену, так что они, отягченные дарами, удивлялись и необыкновенному богатству, и щедрости импера-